

Григорий НИКИФОРОВИЧ

АНАТОМИЯ ОДНОГО ХАРАКТЕРА

О романе Фридриха Горенштейна «Место»

Писатель Фридрих Горенштейн, восьмидесятилетие которого отмечалось бы в 2012 году (он скончался в Берлине в марте 2002 года), гораздо больше был известен как сценарист культовых фильмов «Солярис» и «Раба любви», чем как писатель. Тем не менее, немногие литературные критики, читавшие его прозу, отзывались о ней восторженно, еще при жизни сравнивая Горенштейна с Чеховым, Буниным и Достоевским.

В СССР Горенштейна не печатали: единственным исключением был рассказ «Дом с башенкой», появившийся в журнале «Юность» в 1964 году. К сожалению, и в новой России книги Горенштейна выходили не часто, небольшими тиражами и, в основном, давно стали редкостью. Теперь, однако, читателям легче будет убедиться в справедливости – или в преувеличениях – отзывов критиков: санкт-петербургская «Азбука» начала систематическое переиздание текстов Горенштейна. В рамках проекта вышел и большой роман «Место» -- уникальный для русской литературы второй половины двадцатого века.

Роман был завершен Фридрихом Горенштейном в 1972 году; эпилог добавлен в 1976 году. В том, что роман не сможет появиться ни в одном советском издании, Горенштейн не сомневался. Однако и эмигрантские издания не спешили с публикацией. Только в 1988 году, через восемь лет после того, как Горенштейн навсегда покинул Россию, эмигрировав в Германию, отрывки из романа «Место» напечатал журнал «Время и мы».

В машинописи романа насчитывалось более тысячи страниц – цельный текст такого объема Горенштейн написал впервые. Автор рассказывал о времени послесталинской «оттепели»; о судьбах России в моменты политических потрясений; о повседневной жизни рядовых граждан; о советской интеллигенции;

о любви к женщине – неровной, с колебаниями от обожания до ненависти; о КГБ; и даже о мелких интригах среди работников управления строймеханизации. В «Месте» были и обширные отступления, которые, казалось бы, могли существовать и независимо от основного сюжета – но, тем не менее, их удаление нарушило бы художественную ткань романа, отчего психологический портрет главного героя, Гоши Цвибышева, от лица которого роман написан, стал бы менее убедительным.

Вокруг этого героя и строился весь роман, который, не будь он столь трагичным, мог бы быть даже отнесен -- по сходству фабулы – к разряду легкомысленных плутовских романов. В самом деле: молодой человек, скрывающий позор своего рождения, из нищеты вдруг возносится к немыслимым ранее высотам: оказывается, он -- сын генерала! Но жестокая судьба лишает его преимуществ благородного происхождения, и он решает мстить обидчикам. На этом пути он сходится с бандой негодяев, прикрывающейся той же святой целью, но разгадывает их коварные планы. Полюбив девушку, павшую затем жертвой гнусных посягательств преступной толпы, герой женится на ней и, силой своей любви добившись ответного чувства, преображается сам.

Писатель Фридрих Горенштейн, однако, наложил на эту авантюрную канву жизнь персонажа одновременно и доброго и жестокого, и умного и недалекого, и честного и лжеца, и униженного и оскорбителя, и боящегося людей и презирующего их – словом, обыкновенного маленького человека, погруженного в реальность шестидесятых годов прошлого века. В результате получился характер настолько противоречивый и глубокий, что, по-видимому, он-то и есть главное наследие, оставленное романом «Место» русской литературе.

Противоречия начинаются уже с имени героя. Его зовут Гошей, но его полное имя не Георгий, или Игорь, как можно было бы предположить, а Григорий, Григорий Матвеевич Цвибышев. Отчество у него есть, а отца нет – он был арестован еще до

войны, и Гоша его совсем не помнит и старается вообще вычеркнуть из своей жизни. Матери тоже нет в живых; она оставила сыну свой главный завет – выжить:

Лгать, кстати, я научился очень рано, чуть ли не в раннем детстве, шести-семи лет, причем лгать не по-ребячьи, путано и мило, а по-взрослому, твердо и хитро, и мать моя меня в этом поощряла, дабы скрыть факт об арестованном отце. Факт, который я утаивал первоначально в ребячьих играх, спорах и рассказах, а повзрослев, не упоминал ни в одном из служебных листков: военкомата ли, отделов кадров ли, ни в одной биографии, и не из одного страха, а также из-за стыда.

К началу романа Гоше двадцать девять лет. Он работает прорабом в одном из городских (угадывается Киев) управлений строймеханизации, но живет в общежитии другого строительного управления. Права на занимаемое там койко-место Гоша не имеет, и каждую весну должен униженно просить оказать ему протекцию, чтобы не быть выселенным. Гоша – человек чувствительный и мнительный до такой степени, что, будучи оцарапанным кошкой, состоящей при вахтерше общежития, он и это воспринимает как унижение:

...это была опытная и старая кошка, и она знала, я в это верю, как надо вести себя, если без прав хочешь прожить среди людей. За три года я не помню, чтоб она кого-нибудь укусила, хоть ее били, пинали, отнимали котят и таскали за хвост. «Значит, она ощутила мое бесправие», — думал я, лежа на койке...

А между тем сам Гоша о себе высокого мнения:

Случалось, оставшись один, я брал зеркало и смотрел на себя с таинственной улыбкой. Я мог сидеть долго, глядя себе в глаза. Скрытое тщеславие и внутренняя, постоянно живущая во мне само-

уверенность о некоем временном моем «инкогнито», скрывающем нечто значительное, укрепляли мне душу...

Глубоко переживаемое бесправие и, вместе с тем, уверенность в высоком предназначении – такая комбинация не помогает выстраивать отношения с другими людьми. На работе Гошу еле терпят, и, в конце концов, обманом заставляют написать заявление об увольнении. Оказавшись без заработка, лишаемый койко-места в общежитии («А койко-место — это постоянно и логично, как сама жизнь... Это и есть сама жизнь, и без койко-места человек утрачивает свое человеческое начало...»), он, тем не менее, именно тогда окончательно формулирует для себя «идею» жизни – он будет властвовать:

Ощущение идеи мне было ясно: рано или поздно мир завертится вокруг меня, как вокруг своей оси.

...я испытал вдруг сладостное чувство власти, единственное, которое по силе равно любви, но значительно материальнее, чем любовь, и доступнее людям со здоровым, материальным, а не изнеженным сознанием.

О власти помышляет юноша – а этот сирота, битый жизнью с малолетства, по внутреннему ощущению все еще юноша, -- который то и дело по неопытности и по неумению отталкивает от себя даже немногих своих доброжелателей. Но при этом Гоша вовсе не глуп и оценивает свое положение и перспективы трезво и пронищательно:

Умение глотать обиды было для меня тем же теперь, что для тигра зубы, а для зайца ноги... Но путь этот сулил удачу, то есть возможность выжить, сохранив человеческий облик лишь до тех пор, пока положение мое в обществе оставалось и материально и духовно беспредельно ничтожно. При малейшем отклонении от этого усло-

вия, при малейшем возвышении моем этот путь грозил взломать мою душу, посеять в ней жестокость и горькую месть...

В этот критический момент судьба вдруг улыбается Гоше. Военная прокуратура сообщает, что его отец, Матвей Цвибышев, крупный командир РККА в звании комкора («генерал-лейтенанта» -- тут же переводит на современные звания Гоша) был осужден и погиб несправедливо, и теперь сын имеет законное право на материальную компенсацию, квартиру и другое наследство реабилитированного отца. Это известие совершает переворот в психике Гоши: он, впервые в своей жизни, начинает чувствовать себя не униженным рабом (пускай и с тайным властолюбием), а полноправным хозяином. На следующий же день он отправляется в районное управление внутренних дел:

— Простите, — благодушно сказал я, разумеется, по аналогии с военной прокуратурой ожидая самого хорошего приема, — мне надо выяснить...

— Подожди, — резко оборвала меня женщина и, главное, на «ТЫ».

В глазах у меня помутилось, и впервые родился тот самый звенящий крик, к которому я часто прибегал впоследствии, повелительный от ненависти и полный душевной боли от отчаяния.

— С кем разговариваешь, — крикнул я, — сталинская сволочь!...

Расстояние от униженной покорности до хамоватой наглости Гоша проходит за один день: его подогревает жажда мести за прошлые невзгоды. Правда, кому именно следует мстить, Гоша понимает пока не слишком отчетливо: даже по отношению к своим бывлым благодетелям он испытывает «...жгучее желание распла-

титься за проклятый даровой хлеб справедливым камнем...». С этой поры его борьба за койко-место переходит в борьбу за место в обществе. («Койко-место» и «Место в обществе» -- названия первой и второй частей романа.)

Но еще через несколько дней надежды новоиспеченного хозяина жизни на благополучие – хотя бы материальное – рушатся: неудачнику и отщепенцу Гоше опять не повезло:

То, что отца моего первоначально сочли виновным не по самой серьезной статье и не сразу расстреляли, а лишь разжаловали первоначально, послужило поводом оставить это разжалование в силе. То, что моей матери удалось скрыться и спастись от ареста, послужило поводом к тому, чтоб не компенсировать наше пропавшее имущество, а то, что мать умерла, послужило поводом, чтоб не доставить мне жилплощадь.

Значит, на наследство генерал-лейтенанта рассчитывать не приходится -- а ведь Гоша очень беден. Иногда он вынужден просто голодать, а уж искусство экономить продукты доведено у него до совершенства:

Сто граммов копченой сухой колбасы можно растянуть на четыре-пять завтраков или ужинов, двумя тонкими кружочками колбасы покрывается половина хлеба, смазанного маслом или животным жиром, на закуску чай с карамелью.

Но еще тяжелее моральные терзания: Гоша, может быть, и согласился бы голодать – но не в одиночку: «Голод с народом свят, воспет поэтами и уважаем. Голод отщепенца подозрителен и носит характер вызова обществу».

И вот теперь очередной поворот судьбы снова – и, главное, несправедливо -- отбрасывает Гошу в положение отщепенца. Но Гоша, побывав однажды хозяином,

уже не хочет больше быть рабом. Он начинает мстить тем, кого считает виновниками своих несчастий – «сталинистам», как он их называет. Возможности мщения для него ограничены, и он выбирает самый простой: избиение. Избив для проверки первого же попавшегося в сквере пьянчужку, Гоша ощущает удовлетворение: «Из сквера я вышел широким шагом, сильно выпрямившись...»

Гоша составляет список своих врагов и кое с кем из них успешно затевает драки – наказывает. Он шатается по улицам, заходит в столовые и учреждения, прислушивается к спорам – проводит «политическое патрулирование улиц» -- и услышав чьи-нибудь слова в поддержку Сталина, старается выследить и избить сталиниста. Иногда это приводит прямо-таки к карикатурным ситуациям, и Гоша кается: в некоем доме сомнительной репутации «...я ударил одну из порочных женщин по лицу, ибо у нас с ней вышел самый настоящий политический спор, причем в самое для того неподходящее время, и в том споре она приняла сторону сталинистов».

В то короткое время, когда Гоша еще счастлив своей новообретенной причастностью к генерал-лейтенантству, он знакомится, среди прочих реабилитированных, с Платоном Щусевым – калекой, вышедшим из лагерей с отбитыми легкими, которому остается жить всего несколько месяцев. Щусев тоже борется с теми же сталинистами, но всерьез – его подпольная организация выносит им стандартный приговор: «достоин смерти». Кроме нескольких реабилитированных, в организации состоят и молодые люди, искренне желающие искупить сталинские преступления, совершенные предыдущим поколением – их родителями. Принимают в щусевскую организацию и Гошу – как сына репрессированного.

Правда, в отличие от Щусева, Гоша сразу видит гротескность, даже пародийность этой организации. И в нелепом ритуале побратимства: «надо было разрезать палец, выдавить несколько капель крови в стакан воды и, отпив глоток этой смеси воды и своей крови, передать стакан по кругу так, чтоб каждому члену организации досталось по глотку», и в тексте клятвы члена организации: «в клятве было много крепких слов и в середине текста чуть ли не ругательства пополам с угрозами», и в том, что грозное «достоин смерти» на деле означает все то же избиение на улице. А победа в борьбе с другой подпольной организацией – молодого стали-

ниста Орлова – достигается тем, что на свежий букет белых роз, ежедневно возлагаемый орловцами к памятнику Сталину, приходится попросту нагадить.

У Щусева, однако, планы глобальные: ему видится громкое политическое убийство, способное «всколыхнуть Россию». Жертвой такого убийства он выбирает Молотова – ныне опального второго после Сталина человека сталинского режима. Альтернативная кандидатура – Рамиро Маркадер, убийца Троцкого – отпадает после внезапного ареста члена организации, предложившего этот вариант. Щусев, Гоша и еще двое молодых людей срочно выезжают в Москву приводить приговор в исполнение. Для Гоши это означает новый этап жизни – борьбу за «место среди жаждущих» (так называется третья часть романа).

Перед отъездом Щусев открывает Гоше: он хотел бы не просто всколыхнуть Россию, а и прийти на этой волне к власти, возглавить правительство России. Он, однако, сознает, что болен и обречен – и своим преемником он видит Гошу. Гоша, со своей давней «идеей» властвовать, совершенно не удивлен этим очевидно нелепым предложением:

... многое не только страшное, жалкое и смешное, но и известное, громкое, всемирное рождалось вот так, на совпадениях, на случае, в клетушках, в ночлежках, в ночных разговорах, в разговорах у подоконника, среди горшков отцветшей герани. Тому свидетельство Большая История Стран и Народов... Особенно в последние материально-демократические столетия горшки с геранью часто сопровождали Большую Историю.

В Москве карательную экспедицию Щусева встречает еще один ее участник, Коля, юный сын именитого Журналиста – в прошлом талантливый любимец Сталина, а ныне фрондирующего интеллигента, равно подвергающегося нападкам сталинистов и антисталинистов. Коля и его старшая сестра Маша стыдятся про-

шлого своего отца (Коля – до ненависти), да и сам Журналист помогает репрессированным – в том числе и Щусеву – деньгами.

В последний момент Гоша начинает подозревать, что Щусев, вместо традиционной пощечины, задумал по-настоящему убить Молотова – безобидного старика, прогуливающегося с собачкой по улице Грановского. Опередив Щусева, он сбивает Молотова с ног, и действие переходит в полную фантазмагорию:

... на мостовой у наших ног лежал и кричал Вячеслав Михайлович Молотов, бывший всемирно известный могущественный министр иностранных дел, человек, имя которого произносили следом за именем Сталина, и звал он на помощь тем самым голосом, который в 1941 году возвестил стране о начале Отечественной войны.

Покушение завершается постыдным фиаско:

...кто-то сильно схватил меня за ухо. Именно за ухо. Не свернули руки назад, не повалили, а именно держали за ухо, вот что окончательно выбило меня из колеи. Более того, скосив глазом, я понял, что держит меня за ухо не кто иной, как сам Молотов, успевший подняться.

Гоша вырывается и благополучно убегает, но думает не об опасности преследования, а совсем о другом – он, наконец, причастился не воображаемой, а подлинной власти:

... отношения с Молотовым, человеком с правительственного портрета, неожиданно подсказали мне что-то важное, что я не мог точно определить по деталям, но в общих чертах это сложилось в бытовое понятие: Цвибышев — диктатор России.

В скобках можно было бы заметить, что в этом эпизоде наиболее четко, пожалуй, видно: «Место» — не вполне реалистический роман. Как писал сам автор:

Это, безусловно, роман об отщепенце. Но далее начинаются зыбкие неясности, переходы бытия в небытие, небытия в бытие. Здесь небытие определяет сознание в той же мере, что и бытие.

Однако, узнав о предстоящих неминуемых арестах («...радостная игра наша в недозволенное оканчивалась, наступало похмелье...»), будущий диктатор России Цвибышев совершает новый психологический кульбит: по предложению Журналиста он соглашается составить спасительную докладную в КГБ, которую должны подписать он и Коля:

Я должен был уговорить его подписать донос на Щусева, причем донос, которому по привилегии, благодаря знакомствам журналиста, дадут особый ход. Мне же за труды разрешат участвовать в этом привилегированном доносе.

Обманом убедив Колю, Гоша получает уже прямое задание КГБ: выехать в южный город, куда, по агентурным данным, направились участники «банды Щусева» -- теперь он называет своих соратников по организации только так, — и опознать их после ареста. Коля в числе щусевцев — и Маша, его сестра, в которую Гоша пылко и безнадежно влюблен, настаивает на том, чтобы поехать вместе с Гошей.

Поездка эта кончается трагедией: Гоша и Маша оказываются в центре яростного пролетарского бунта. Озлобленные полуголодным существованием и безразличием властей, рабочие южного города и близлежащих городков выходят из повиновения. Они жгут и громят дома и учреждения, зверски убивают «красного директора» завода Гаврюшина (на его беду, он родился на свет Лейбовичем) и вы-

пускают на свободу уголовников. Машу – невинную девушку – насилуют, а Гоше разбивают голову – только прибытие внутренних войск спасает их от верной и мучительной смерти. Потрясенный Гоша делает вывод:

...властная, жестокая ненависть вошла в меня и лишила меня человеческого покоя, может быть, навсегда. Слезы брызнули у меня из глаз, и, раскованный слезами этими, я сказал убежденно и коротко:

— Ненавижу Россию.

В четвертой и последней части романа («Место среди служащих») Гоша становится уже штатным сотрудником КГБ. Вначале он на канцелярской работе – разбирает протоколы допросов Щусева и других, -- а потом привлекается и к оперативной деятельности. Он ходит с напарницей (и любовницей) Дашей в различные компании и собирает сведения о возможных антисоветчиках – несомненных уже давно нет – не гнушаясь и провокацией. К этому времени Гоша уже женат на Маше: забеременев после насилия, она решила оставить ребенка, и Гоша, верно ее любящий, соглашается «покрыть грех» незаконного рождения. Но Маша по-прежнему не любит Гошу, и для нее этот брак – фиктивный: отсюда и Гошина мимолетная связь со стукачкой-напарницей.

Мечты о своем предназначении посещают Гошу все реже, а рутинная служба в КГБ начинает приносить удовлетворение. «...Всякий человек рано или поздно входит во вкус своей работы», -- думает Гоша, хотя понимает, что это -- работа провокатора. И когда Висовин, бывший друг Гоши и соратник по организации Щусева, просит помочь ему в уничтожении Большого партийного ядра русской национал-социалистической партии – он хочет их всех взорвать самодельной бомбой, -- Гоша без колебаний сообщает об этом замысле в КГБ. Национал-социалисты арестованы, но Висовин при аресте погибает. Коля, которого отец все-таки спас от уголовного преследования, узнав о гибели Висовина, является к Гоше – виновнику

случившегося несчастья – и пробивает ему череп чугунной болванкой. Уже теряя сознание, Гоша примиряется с судьбой:

— Обвинений ваших не признаю, — сказал я неизвестно кому, причем шепотом, поскольку большую часть сил тратил, чтоб удержать равновесие, — справедливый приговор мне уже вынесен, но не вашим антиправительственным обществом... Вот этот приговор: не виновен, но заслуживает наказания...

А дальше и наступает обещанный счастливый конец. Гоша, по протекции КГБ, попадает в «военный госпиталь особого типа» и выздоравливает. Коля, в защиту которого Гоша пишет заявление в суд, отделяется сравнительно легко. И Маша, оценив, наконец, самопожертвование Гоши, становится его настоящей, причем любящей женой. Описание этих благостных событий занимает всего одну страницу – последняя часть романа вообще самая короткая. Эпилог (еще две кратких главки) под названием «Место среди живущих» повествует о жизни дружной семьи Цвибышевых в Ленинграде – теперь их трое: Гоша, Маша и Иван, «дитя насилия», -- и о поездке Гоши в прошлое, в город, где он когда-то боролся за койко-место. Теперь Гошина «идея» гораздо скромнее – стать долгожителем:

Состариться раньше времени, потускнеть, потухнуть и так застыть на долгие годы. Детство, юность, молодость и зрелость строго отмерены, и лишь старость можно вольно трактовать, и срок ее не ограничен. Место среди живых, место среди живущих на долгий срок забронировать можно лишь в старости...

Роман – Гошины записки о своей жизни – заканчивается его решением приступить к этим запискам, потому что время говорить настало:

Пока человек деятелен, он словно безмолвен, поскольку слова его второстепенны по сравнению с его деяниями. Иное дело говоря-

щий паралитик, жизнь которого выражена в его речи (...) И когда я заговорил, то почувствовал, что Бог дал мне речь.

Таков Гоша Цвибышев, которого можно любить или ненавидеть, но нельзя забыть. Нельзя его и вычеркнуть из русской литературы – хотя бы потому, что героев, вызывающих разом и сочувствие и омерзение, да к тому же обладающих острым взглядом и неглупо философствующих, в ней почти нет. Ни один из персонажей «Бесов», например, или «Братьев Карамазовых» не похож на Цвибышева. Сравнение Щусева с Петрушей Верховенским или Журналиста – с его отцом, Степаном Трофимовичем, вполне оправдано, но Гошу сравнить не с кем – ни со «сверхчеловеком» Ставрогиным, ни с фанатиком Шигалевым, ни с мятущимся вольнодумцем Иваном Карамазовым. Скорее Гоша походит на Смердякова, рассуждающего лакея, возомнившего себя свободным человеком, – но Смердяков написан одной только черной краской.

И все же у Достоевского есть герой, которого, с некоторой натяжкой, можно назвать Гошей Цвибышевым XIX века. Это – безымянный Подпольный человек из опубликованных в 1864 году «Записок из подполья». Как и Гоша, Подпольный не глуп и способен иногда к тонким психологическим наблюдениям. Он ценит себя высоко и, так же, как и Гоша, мечтает о власти: «...я выступлю вдруг на свет божий, чуть ли не на белом коне и не в лавровом венке». Но он, опять-таки как и Гоша, беден, мнителен и не способен к общению – даже со своим слугой Аполлоном он не может совладать. Подпольный жаждет отомстить своим обидчикам, действительным и воображаемым, но до реальных действий так и не доходит. Его хватает только на то, чтобы **не уступить** дорогу оскорбившему его офицеру (на подготовку этого героического поступка уходит несколько месяцев) и заморочить голову безответной проститутке Лизе («...без власти и тиранства над кем-нибудь я ведь не могу прожить...»). Значимая деталь дает основания полагать, что Горенштейн сознательно сделал Гошу похожим на героя «Записок»: стыдясь своего удовлетворенного желания и с намерением унижить искренне потянувшуюся к нему женщину, Подпольный вкладывает в руку Лизы пятирублевку; Гоша оставляет уборщице об-

щежития Наде три рубля на тумбочке. За сто лет, однако, нравы и обстоятельства изменились: Лиза может позволить себе, уходя, незаметно вернуть деньги; Надя вынуждена их забрать.

Обстоятельства стали другими -- но человеческий характер, намеченный Достоевским в небольшой повести, не исчез, а преобразился в Гошу Цвибышева, героя романа Горенштейна. Собственно говоря, это и есть один из признаков настоящей литературы – создание характера, который продолжает жить и после того, как его время проходит: он просто видоизменяется. Гоша Цвибышев – законный наследник Подпольного человека, но есть надежда, что и у Гоши, написанного столь же выразительно, в свою очередь появятся наследники.

Логику дальнейшего развития характера -- от Подпольного до Гоши, а потом и до современного героя -- представить себе не так уж трудно. Подпольный, человек девятнадцатого века, сосредоточен только на себе самом. Он ограничен духовным подпольем – сменяющимися друг друга мыслями то о собственном ничтожестве, то о своем высоком предназначении. Он обижен на весь мир, но для мести надо опереться хоть на кого-то, а этого сделать он не в состоянии – и потому бездеятелен. Гоша, порождение века двадцатого, хоть его и терзают все те же мысли, гораздо более активен. Его месть за свои унижения (реальные, а не воображаемые, как у Подпольного) находит себе единомышленников и претворяется в действие – но у Гоши хватает разума увидеть опасность бесконтрольного бунта и остановиться.

В нашем двадцать первом веке, когда индивидуальность стерта почти чисто и сам по себе человек значит совсем немного, наследник Подпольного и Гоши будет мстить за свои обиды не один, а в стае, а для этого собственный разум – только помеха. И мстить он будет по-другому. Подпольный мстит в мыслях, не очень-то желая переделать мир. Гоша мстит хоть и активно, но выборочно, стремясь восстановить справедливость, как он ее понимает. Для современного же героя месть существующему порядку будет самоцелью, и насилие он будет использовать с самого начала.

Правда, для создания образа современного Цвибышева нужен писатель уровня Достоевского или Горенштейна: в русской литературе двадцать первого ве-

ка таких пока не видно. Впрочем, уже появился их сильно облегченный и упрощенный вариант (как сказали бы теперь, «Достоевский-лайт»): Захар Прилепин. Его персонаж Саша Тишин, главный герой романа «Санька» (2006 год), мстит «гадкому, нечестному и неумному государству» не в одиночку, а в рядах своих товарищей по партии – «Союзу созидателей», -- используя самое что ни на есть прямое действие:

Выше по улице стояло еще несколько машин -- и вскоре на их крышах, с дикой, почти животной, но молчаливой радостью прыгали парни и девчонки. Ища, что бы такое сломать, -- причем сломать громко, с хрястом, вдрызг, -- двигались по улице, впервые наедине, один на один с городом.

Саша никакой не мыслитель («Саша никогда не мучался самокопанием» -- честно отмечает Прилепин), и попытки писателя вложить в его уста сложные ассоциативные рассуждения о блоковской метафоре жены-России или о российском либерализме выглядят неуклюже. Зато когда Саша суммирует свои скудные представления о справедливости, звучащие как лозунги, ему веришь:

Все, что есть в мире насущного, -- все это не требует доказательств и обоснований. Сейчас насущно одно -- передел страны, передел мира -- в нашу пользу, потому что мы лучше. Для того чтобы творить мир, нужна власть -- вот и все. Те, с кем мне славно брать, делить и приумножать власть, -- мои братья.

Вот чем обернулась мечта Гоши о правлении Россией: диктатура как инструмент власти остается, но не единоличная, а коллективная, «соборная», основанная на очевидной истине: мы лучше. И отправляясь на последний святой смертный бой с ментами и администрацией, Саша напутствует соратников такими словами:

-- Братя, -- сказал Саша просто и даже с легкой улыбочкой. -- Партия говорит нам: русским должны все, русские не должны никому. Также партия говорит нам: русским должны все, русские должны только себе. Мы хотим вернуть только то, что мы себе должны: Родину. Вперед.

Конечно, Саша Тишин, один из возможных вариантов все того же характера – обделенного судьбой и обозленного мстителя – далек от Гоши Цвибышева не менее, чем Гоша – от Подпольного. Время в наши дни течет быстрее, чем раньше: за полвека между шестидесятыми и двухтысячными годами российская действительность психологически изменилась едва ли не больше, чем за целый век, прошедший между шестидесятыми годами столетий девятнадцатого и двадцатого. Но Гошу все-таки можно рассматривать как предшественника героев литературы нового, двадцать первого века – и это выявляет еще одну важную черту романа Фридриха Горенштейна «Место»: предвидение.

Те несколько человек, которые прочли роман сразу после его завершения, решительно не согласились с мрачной картиной народных настроений в России, нарисованной Горенштейном. Однако в новом веке им пришлось взглянуть на действительность без розовых очков – автор «Места» оказался прав. Как писал потом проницательный критик и литературовед Лазарь Лазарев:

Не верилось в воспаленный до крайности национализм кружков, возникающих то там, то тут в каких-то темных углах жизни, в их сознательное подстрекательство к массовым беспорядкам, к расправам, к крови, чтобы в такой обстановке пробиться к власти. Теперь это все хорошо известно — можно даже не называть...

Ну конечно – не верилось. Вплоть до самого развала Советского Союза интеллигенция – в том числе и диссидентская -- хранила завет демократов девятна-

дцатого столетия: народ в по сути своей добр, умен и жаждет приобщиться к европейской цивилизации, стоит только получить возможность его просветить и направить. Этот шанс, как считала интеллигенция, давали реформы «оттепели», поры ликвидации лагерей принудительного труда и восстановления хоть какой-нибудь, но законности. Сцены же самочинных – народных -- убийств, погромов и насилий во время рабочих беспорядков в южном городе, описанные в романе, сознание интеллигенции принимать отказывалось – еще и потому, что в них виделась клевета на реальное выступление рабочих Новочеркасска в 1962 году, жестоко подавленное властями. Но для Горенштейна такое развитие событий было почти очевидным, поскольку оно прямо вытекало из его понимания тогдашней ситуации:

Это была та биологическая слизь, из которой все рождалось и развивалось и, едва родившись, старалось подальше отделиться от своей вызывающей брезгливость основы и быть наименее на нее похожей... Но иногда общественные течения переходного периода, когда все взвинчено и взбаламучено, выносят куски этой слизи наверх, и тогда все чувствуют ее силу, и ее влияние, и свое от нее происхождение...

Горенштейн не просто подчеркивает возможные крайности народного возмущения – он объясняет их психологические причины:

...либерализм, ниспосланный сверху в такой стране, как Россия, всегда связан с упадком святости не только государства, но и человеческой личности, ибо в России человеческая личность не существует вне государства. Тогда в обществе воцаряется всеобщее взаимонеуважение и самонеуважение.

Опасность именно в этом: люди, на протяжении поколений не мыслившие себя индивидуально, а только в группе – будь то государство, община или род, -- не способны к самостоятельному разумному поведению. Если скрепы удерживающей

их власти ослабляются, неизбежен разгул, анархия, насилие – и закономерный приход новой диктатуры. Писатель Фридрих Горенштейн пришел к такому печальному выводу задолго до перестроечных погромов в Сумгаите и Фергане, подтвердивших, к сожалению, его художественное предвидение. Эти погромы происходили тогда на дальних национальных окраинах России – но время Саши Тишина с его чеканными формулировками было уже не за горами.

Горенштейн предвидел и другое: у либеральной интеллигенции не хватит смелости признать, что в постоянном противостоянии власти и народа обе стороны не безгрешны. И это, в конечном счете, может привести к фактическому уничтожению интеллигенции не только как политической, но и как моральной силы. В романе «Место» на такую перспективу указывает Журналист, призывающий к стабильности, а не к потрясениям:

...бить по фундаменту не надо... А если хочешь бить своими протестами, то оглянись и разберись, не надета ли тебе на шею петля и не вышибаешь ли ты сам ударом своим табурет из-под своих ног...

Позиция незавидная, но это и есть, как считает Журналист, реальное – и даже иногда желаемое – положение интеллигенции в России:

Когда табурет стоит прочно под ногами и петля не затянута на шее, то висельник, во-первых, имеет возможность дышать, а во-вторых, ждать помилования... Дышать и ждать — что может быть дороже для человека?

Беда в том, что альтернатива намного хуже – в эпилоге романа, уже после смерти Журналиста, Гоша рассуждает:

...идеал покойного журналиста, идеал покойного умеренного оппозиционного интеллигента — стоять с незатянутой петлей на шее, на прочном табурете — возможен лишь тогда, когда на узкой тропе Истории только Власть. Когда же туда, навстречу власти, словно дикий кабан на водопой выходит Народное Недовольство, то первым же результатом их противоборства является двойной удар сапогами по табурету...

Сам Журналист – человек сталинской эпохи – был убежден, что спастись можно только одним способом: сохранить основы незыблемыми:

Советская власть необходима России и рождена ее историей. Вместо нее может явиться только худшее. И это мягко говоря. Это худшее может найти сторонников, много сторонников. Миллионы. Тут ведь счет ведется десятками миллионов людей и сотнями тысяч километров. Таковы масштабы. И вот в таких-то масштабах советская власть огромная находка и огромное благо, за которое всякий разумный человек спасибо должен сказать, несмотря ни на что.

Это утверждение (сделанное от имени Журналиста, не Горенштейна!) напрямую перекликается со знаменитой фразой из статьи литератора, историка и пушкиниста Михаила Гершензона, появившейся в 1909 году в сборнике «Вехи», подводившем итоги первой русской революции. Оглядываясь назад, на годы забастовок, погромов, поджогов помещичьих усадеб, убийств, казней, он писал об интеллигенции:

Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, -- бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной.

Прошло сто лет после публикации «Вех» и тридцать после того, как был завершен роман «Место», но интеллигенция, как и предполагал Горенштейн, сохранила прежние иллюзии. И вот уже новое издание Гоши Цвибышева – Саша Тишин – вразумляет своего либерального собеседника:

...тот "новый-хорошо-забытый-старый" народ, который ты наделил столькими прекрасными качествами, и трудолюбивый-де он, и добрый, он тоже самый что ни на есть "красно-коричневый". Ты его себе придумал, его нет. Он сам себе выбрал эту судьбу, и она ему, наверное, нравится.

Саша ожидает, что народ поднимется против ненавистной власти и ее силовых структур. Журналист тоже рассматривал такую возможность («В настоящее время у русской государственности кроме советской власти есть в запасе только уличный национальный вариант»), но считал ее гибельной и надеялся на то, что народ предпочтет подчиниться сильной организации – КГБ. Судя по самой новейшей политической истории России, народ пока согласен не с Сашей, а с Журналистом – писатель Горенштейн еще раз обнаружил свой дар предвидения.

Если бы роман «Место» был каким-то чудом опубликован тогда, когда он был написан, критики осудили бы его с разных сторон. Одни негодовали бы из-за беспроектного изображения советской действительности. Другие встали бы на защиту простого советского человека, показанного автором не слишком почтительно. Третьих оскорбило бы отношение к советской интеллигенции, которая все же сеяла разумное, доброе, а иногда даже и вечное. И только о художественных качествах романа не было бы сказано ни слова: судить об этом можно потому, что и в девяностые годы, уже без цензуры, критики по старинке больше обсуждали гражданские мотивы романа, чем его литературные достоинства. Была, правда, и разница: слово «советский» больше не употреблялось.

А между тем роман мастерски совмещает иронию изложения, точность бытовых деталей и длинные, но всегда неожиданные авторские отступления. Такие отступления намеренны – они останавливают читателя, скользящего взглядом по детективно-политическому сюжету и заставляют его задуматься. Сквозь весь роман проходят по крайней мере три голоса: Гоша, персонаж чувствительный и рефлектирующий, сразу же отзывается на происходящее вокруг него; тот же Гоша, постаревший и умудренный, вспоминает те же события уже по-другому; и, наконец, автор романа произносит свой независимый комментарий. Эти голоса сплетаются воедино, и не всегда можно различить, кому именно принадлежит та или иная мысль. Дело усложняется еще и тем, что «автор романа» -- это отнюдь не писатель Фридрих Горенштейн, а тоже персонаж, пусть и неявный, произносящий свои слова как бы из-за кулис. Но именно переключка всех трех персонажей, которые иногда противоречат друг другу, и придает роману убедительность.

И все предвидения возможного развития России возникают в романе единственно из литературно-психологических соображений – к ним подводит чисто художественная логика развития характера главного героя. В семидесятые годы двадцатого столетия такой подход был необычным: например, знаменитый памфлет-предсказание Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» был основан только на анализе социальных и геополитических составляющих советской системы. Автор памфлета, как и следовало либеральному интеллигенту-диссиденту, не обращал особого внимания на психологию советского человека, полагая, что есть более важные вещи: противоречия между «нарождающимся средним классом», «демократическим движением» и «бюрократическим аппаратом» или между Советским Союзом и Китаем.

Но литература доказывает, что верно и другое: главные черты эпохи разночинцев и народников уже можно было предвидеть и различить в характере Базарова, героя «Отцов и детей», написанных еще до ее наступления. Точно так же предстоящее пренебрежение человеческими жизнями во всероссийском масштабе уже было предсказано фигурой Петруши Верховенского. Характеры персонажей Тургенева и Достоевского позволили представить себе историю России на десятилетия вперед – настолько яркими были эти образы. И Горенштейн встал вровень с клас-

сиками русской литературы, создав Гошу Цвибышева, отщепенца, мечтателя и раба, всегда готового к бунту; этот герой тоже давал возможность заглянуть в будущее.

Предсказание, правда, получилось не очень радостным – о подробностях спросите Сашу Тишина. Может быть, именно поэтому писателя замалчивали при жизни и мало печатали даже после развала покинутого им государства. В его некрологе критик Виктор Топоров отметил: «...индекс цитируемости Горенштейна в отечественной прессе непростительно ничтожен». Только сейчас, когда уже по всему подтвердилось, что Горенштейн был несомненным провидцем, его книги начинают по-настоящему возвращаться к читателю. Поздно, да – но, по счастью, не для текстов такого уровня: они навсегда.

Сент-Луис, Миссури, 2011 год